

УДК 94(470.6)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИКАЗА НКВД СССР № 00447 В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В 1937-1938 ГГ.

Эльбздукаева Т.У.¹

¹*Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, telbuzdukaeva@vail.ru*

В статье говорится о реализации приказа НКВД СССР № 00447 в Чечено-Ингушетии. Массовые репрессии выступали как орудие государственного террора, инструмент широкомасштабной социальной инженерии в интересах укрепления сталинской диктатуры. «Враждебные элементы» в Чечено-Ингушетии, на которые была направлена эта операция, относились к разнообразным социальным и общественно-политическим группам. Репрессии сверху дополнялись массовым доношением снизу, что свидетельствовало о тяжелой болезни общества. Региональные органы НКВД и региональные руководители партии не были простыми исполнителями приказа: они проявляли инициативу, запрашивали новые лимиты. «Кулацкая операция» была системной акцией, направленной против определенных социальных групп и категорий населения с политическим прошлым.

Ключевые слова: массовые репрессии, сталинский режим, антисоветские элементы, бдительность, доносы, чистки, «пятая колонна».

THE IMPLEMENTATION OF THE ORDER OF THE NKVD NO. 00447 IN CHECHENO-INGUSHETIA IN 1937-1938

Elbuzdukayev T.U.

Chechen state pedagogical University, Grozny, telbuzdukaeva@vail.ru

The article talks about the implementation of the order of the NKVD No. 00447 in Checheno-Ingushetia. Mass repression acted as an instrument of state terror, widespread instrument of social engineering in the interests of strengthening of Stalin's dictatorship. "Hostile elements" in Checheno-Ingushetia, which was directed this operation, was treated to a variety of social and social-political groups. Repression from above was supplemented by a massive denunciation from the bottom, testified to the serious illness of society. Regional NKVD and the regional executives of the party were not mere executors of orders: they showed initiative, had requested the new limits. "Kulak operation" was a systematic campaign directed against certain social groups and categories of the population with political past.

Keywords: mass repressions of the Stalin regime, anti-Soviet elements, vigilance, denunciation, cleaning, "fifth column."

Массовые репрессии, являясь неотъемлемой частью сталинизма, выступали как орудие государственного террора, инструмент широкомасштабной социальной инженерии во имя светлого коммунистического будущего, в интересах укрепления сталинской диктатуры.

Репрессии изменили социальный, демографический, этнический облик целых регионов, выступив одним из звеньев в создании системы принудительного труда.

Необходимым элементом изучения практик сталинского режима является их региональное прочтение. Чечня и Ингушетия имеют все основания быть включенными в региональный анализ.

Специфика осуществлявшихся здесь репрессий выступила индикатором отношения власти к Северному Кавказу, характеризуя его включение в общегосударственное политическое пространство.

Летом 1937 г. начались «массовые операции». Каждому региону были спущены квоты по числу лиц, которых предстояло арестовать, подвергнуть заключению или расстрелять (т.н.

лимитами). Выбор жертв «массовых операций» был оставлен на усмотрение руководителей нижнего звена. Их поощряли на превышение показателей установленных лимитов. Как чисткам, так и «массовым операциям» способствовали появившийся поток доносов, поддерживаемый кампанией по усилению бдительности, а также пытки, которым подвергались арестованные. Все потоки террора были направлены на достижение цели, поставленной Сталиным, а именно: на ликвидацию всех категорий граждан, которые якобы представляли собой потенциальную опасность для режима, особенно в условиях опасности новой войны (на это указывают новые документы, появившиеся в последнее время).

31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило приказ НКВД СССР № 00447, предписывающий провести операцию в четырехмесячный срок. Начать операцию предполагалось с 5 по 15 августа 1937 г. в зависимости от региона. В приказе ставилась задача покончить с «бандой антисоветских элементов», ведущей подрывную работу против основ советского государства.

Осуществить столь масштабные репрессии невозможно было без соответствующей реорганизации судебно-следственного аппарата. Следствие предполагалось проводить в ускоренном и упрощенном порядке. Приказ № 00447 подчеркивал, что в процессе следствия органы НКВД должны выявлять «все преступные связи» репрессируемых и обо всех «вновь вскрытых в процессе проведения операции контрреволюционных формированиях» немедленно доносить в центр по телеграфу[12].

Тем самым органы НКВД ориентировали на фабрикацию антисоветских заговоров, контрреволюционных организаций, шпионов, диверсантов и вредителей.

В преамбуле оперативного приказа № 00447 говорилось о необходимости «полного сохранения в тайне времени и места приведения приговора в исполнение». Это требование соблюдалось в течение полувека. Только в рамках реабилитации, начавшейся в конце 90-х гг. XX в. многие узнали истинную судьбу своих родных и близких.

Территории всех республик, краев и областей были поделены на оперативные сектора, в которых формировались оперативные группы под руководством ответственных работников местных органов НКВД. Эти группы укомплектовывались оперативными работниками, войсковыми или милицейскими подразделениями, средствами транспорта и связи.

Начальники опергрупп руководили учетом и выявлением подлежащих репрессированию граждан, следствием, утверждали обвинительные заключения и приведение приговоров «троек» в исполнение. Они также составляли и подписывали списки кандидатов на арест и на основании этих списков, утвержденных руководителем местного управления НКВД, производился арест.

В Приказе содержался список 64 республиканских, краевых и областных троек. Как правило, в число «троек» входили народный комиссар или начальник управления НКВД, секретарь соответствующего партийного комитета и прокурор края, области или республики.

В состав «тройки» в Чечено-Ингушской АССР входили: председатель - Дементьев, члены Егоров, Вахаев [12]. В последствие состав тройки изменился. Решением ПБ от 2 ноября 1937 г. (пр. 55, п.76) в тройку вошел Иванов, нарком внутренних дел республики. Решением ПБ от 13 июля 1938 г. в «тройку» входили Быков, Дачев, Тамбиев, Порубай [10].

В Чечено-Ингушетии с 1937 по 1938 гг. в «тройку» также прокуроры Мехтиев и Матьков. Такой состав внесудебных органов обеспечивал на местах круговую поруку высших должностных лиц [7].

Государственно-полицейские задачи, поставленные перед чекистами Ежовым на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г., предполагали руководство операцией и председательство в «тройках».

Назначение членов троек осуществлялось Политбюро, которое благодаря этой прерогативе имело еще один сильный рычаг для воздействия на ход репрессий. Каждый новый назначенец - это касалось, в первую очередь чекистов - способствовал интенсификации преследований.

Также определялся перечень «контингентов», подлежащий репрессиям, в основном это касалось тех, кто боролся с советской властью или стал жертвой государственного террора в предшествующие годы. В рамках операции преследовали людей, которые вообще не соответствовали критериям приказа [17].

Для Чечено-Ингушской АССР было утверждено: по первой категории -500 человек, по второй -1500. Всего -2000 человек [12]. Впоследствии цифры по Чечено-Ингушетии были конкретизированы: по Чечено-Ингушской АССР «тройке» в составе т.т. Егорова, Вахаева и Дементьева утвердить намеченных к расстрелу кулаков 862 чел., уголовников 555 чел. и высылке кулаков 730 чел., уголовников 526 чел.[6].

Их данные зачастую были сфальсифицированы, особенно в периоды наивысшего развития динамики процесса вследствие толчка сверху или запросов о повышении лимитов.

Угроза о передачи дела на рассмотрение «тройки» являлась достаточным основанием, чтобы подследственный давал нужные показания.

«Тройка» показала себя эффективной инстанцией, поскольку дела она рассматривала быстро, т.к. требования к производству и качеству следствия были занижены, а по приговорам суда апелляции были невозможны. Для вынесения смертного приговора иногда было достаточно показания трех свидетелей, практиковались «штатные» свидетели, которые подписывали сфабрикованные следователями показания.

Приказ от 30 июля 1937 г. предоставлял право местным властям запрашивать дополнительные «лимиты» на проведение репрессий. Обычно Политбюро соглашалось с просьбой об увеличении лимитов.

Подобная просьба исходила и от секретаря Чечено-Ингушского ОК ВКП(б) Быкова. Приводя документ, автор сохранил терминологию той эпохи.

Из шифротелеграммы секретаря Чечено-Ингушского ОК ВКП(б) Быкова в ЦК ВКП(б), И.В. Сталину, А.А. Андрееву и НКВД, Н.И. Ежову о ходе операции, составе и продлении работы тройки (13 июля 1938 г.) следовало, что несмотря на «ликвидацию ряда контрреволюционных формирований,... резко повысилась активность со стороны контрреволюционного бандитского элемента, выражающаяся, главным образом, в наглых бандитских грабежах, с применением оружия, и террористических актов над советско-партийным, колхозным активом и работниками НКВД». Отмечалось, что при уменьшении количества «бандитских шаяк» и сужении их «банпособствующей базы», выступлением против бандитов партийного, советского и колхозного актива, особенно в связи с выборами в Верховные Советы, тем «озлобленнее и коварнее становятся методы и приемы этих озверевших в борьбе против советской власти собак».

На этом основании Чечено-Ингушский обком ВКП(б) просил Центральный комитет ВКП(б) «в целях окончательного разгрома и ликвидации обактивившегося за последнее время кулацко-мульского и бандитского элемента (который особенно активно проявляет себя в горных районах) - разрешить организовать в Чечено-Ингушетии Особую Тройку, по примеру уже ранее проведенной операции, с особыми полномочиями, сроком на 4-5 месяцев...» [15].

Документ приводит к выводу, что региональные партийные власти совместно с органами НКВД были не просто исполнителями приказа, многие из них склонялись к насильственному решению политических проблем и принимали активное участие в установлении новых квот, брали на себя инициативу по повышению контингентов репрессированных.

Начальники, перевыполнившие лимиты, получали повышения в званиях. Нарком внутренних дел Чечено-Ингушетии Иванов был среди лучших, тем не менее, сам был расстрелян в 1940 г. Так же был репрессирован Магомед Ханиев, в 1937 г. занимавший должность председателя Верховного суда ЧИАССР. В Грозненской тюрьме он сидел с А. Авторхановым. М. Ханиев просидел до 1940 г. во внутренней тюрьме НКВД и был освобожден в связи с прекращением дела [1].

По ранее составленным НКВД спискам в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. по всем аулам и районам была проведена так называемая «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов». Весь изъятый «элемент» был вывезен на грузовых машинах войск НКВД в столицу республики г. Грозный.

После заполнения двух тюрем НКВД в Грозном (внутренней тюрьмы НКВД для «махровых контрреволюционеров» – до 1000 человек и внешней тюрьмы НКВД – до 4 тысяч человек), арестованных разместили в центральном гараже Грознефти (5 тысяч человек), в клубе им. Сталина - 3 тысячи человек, в ДПЗ республиканской милиции до 300 человек. Причем районные ДПЗ милиции и НКВД постоянно пополнялись новыми «кадрами» арестованных в порядке ликвидации «контрреволюционных остатков». Всего в ходе «генеральной операции» по республике арестовали до 14 тыс. человек, около 3 процентов к общему населению республики.

Под гул заведенных моторов автомашин в подвалах НКВД происходили массовые расстрелы по новому методу, заключавшемуся в оборудовании специального зала для расстрелов большими группами. Это происходило в подвале с северной стороны здания Грозненского НКВД (сторона к р. Сунже). Этот подвал назывался этапной камерой и туда заводили приговоренных к расстрелу арестантов под предлогом отправки на этап, в Сибирь. Этапная камера была железобетонная и герметически изолирована от внешнего мира. Внутрь камеры, как с крыши, так и с боков были вделаны вращающиеся огневые точки, из которых огнем ручных автоматов производился массовый расстрел. Трупы расстрелянных увозили ночью в грузовиках, покрытых брезентом, под гору Горячеводская, где под видом «заповедника» находились «братские кладбища» для расстрелянных.

В октябре 1937 г. в Грозный прибыл кандидат в члены Политбюро, заместитель Ежова М.Ф. Шкирятов. На состоявшемся расширенном Пленуме Чечено-Ингушского обкома партии (8-10 октября 1937 г.) Шкирятов отдал приказ об аресте всех чеченцев и ингушей, членов областного комитета. Их арестовали тут же, в зале пленума. Приказ Шкирятова об аресте был распространен на всех работников чеченцев и ингушей, от председателя республиканского правительства до председателя сельсовета. Аресты продолжались до ноября 1938 г. К этому времени Чечено-Ингушская республика была окончательно очищена от «врагов народа».

По партийно-образовательному цензу репрессированные представляли следующую картину: члены ВКП(б) до 1917 г. -2 чел., с 1917 по 1921 г. – 6 чел., с 1921 по 1927 г. – 39 чел., с 1927 по 1936 г. -90 чел. До 25 летнего возраста репрессированных было 30 чел., от 25 до 30 лет – 52 чел., от 30 до 40 лет – 35 чел., свыше 40 лет - 20 чел. С высшим специальным образованием было 10 репрессированных, с высшим коммунистическим – 53 чел., среднее образование имели 36 репрессированных, низшее – 50 чел. [2]

Таким образом, все арестованные члены «буржуазно-националистического центра», за исключением восьми человек ленинской гвардии, принадлежали по своему партийному стажу к сталинской школе; по своему возрасту 82 человека были людьми моложе 30 лет; 52 человека

получили свое образование в коммунистических вузах (КУТВ имени Сталина, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, курсы марксизма при ЦК и т. д.).

Следствие в их отношении проводилось с применением физических пыток. Об изощренных пытках во внешней тюрьме НКВД, находившейся на окраине г. Грозного (другая, внутренняя, знаменитая тюрьма на Сунже располагалась почти в центре города), свидетельствовал в своих воспоминаниях А. Авторханов и другие сидельцы 1937 г.

Расстрелы в Грозном осуществлялись во внутренней тюрьме, расположенной на улице Дзержинского 2 и 4, во второй камере смерти третьего здания НКВД, располагавшегося в бывшем доме купца Арсамерзоева по ул. А. Шерипова, 7/20, а также в подвалах Андреевских бань, на ул. Чехова и на особом «стрельбище» в двадцати километрах от Грозного (по дороге к Старому Юрту) у подножия Терского хребта. Под тюрьмы переоборудовали все гаражи «Грознефти», пожарное депо, часть казарм, даже дом для умалишенных.

По мнению А.Г. Авторханова, ни в одном из уголков Советского Союза, ни в одной из автономных советских республик НКВД не вел политики сознательной провокации народа против власти в таких гнусных формах, как на Северном Кавказе, и особенно в Чечено-Ингушетии. Во главе Чечено-Ингушского отделения ГПУ- НКВД назначались люди на редкость бездарные, на подбор безнравственные и, как все чекисты, бесчеловечные. Руководили террором и известные палачи чеченского и ингушского народов: заместитель наркома НКВД ЧИАССР Мазлак Ушаев и Султан Албогачиев.

Вся система допросов была рассчитана на морально-психологическое и физическое изматывание обвиняемых. Следователи соревновались между собой, кто больше «расколет» подозреваемых. Избиение арестованных, пытки, доходившие до садизма, стали основными методами допроса. Считалось позорным, если у следователя нет ни одного признания в день [5].

С 1938 г. чаще стали использовать яд. В одну из камер смерти был превращен и подвал бывшей Андреевской бани. По ночам туда привозили группы людей и под видом санобработки и прививок от болезней и умерщвляли ядом.

Одним из мест массовых захоронений жертв репрессий были две ямы-траншеи на центральном кладбище г. Грозного. Тела расстрелянных сбрасывали туда в октябре, ноябре и декабре 1937 г. Как указывал А. Божедомов, в то время эти траншеи находились в 700-800 метрах от границы кладбища, а к 1990-м годам оказались внутри. Карта захоронений с 1937 г. находилась в архиве НКВД-МГБ-КГБ ЧИАССР и была строго засекречена. (Раскопки на месте захоронения проводились А. Божедомовым при участии членов тогдашнего Чечено-Ингушского «Мемориала» и сотрудников Чечено-Ингушского краеведческого музея летом 1990 года) [19].

Ложь, фальсификация, шпионаж и страх – приводные ремни советской карательной системы. Подчинением всепоглощающему страху партия и тайная полиция решали задачу тотальной управляемости людьми.

В 1937 г. в республике были репрессированы: 30 из 75 кандидатов в члены Обкома ВКП(б), 20 из 28 секретарей райкомов, 17 партторгов, 77 членов райисполкомов, 192 работника сельских организаций (учреждений), не считая рядовых труженников [4].

31 января 1938 г. Политбюро приняло предложение НКВД СССР «Об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента» [13].

Проведение массовых репрессий по линии НКВД, согласно приказов Н. Ежова, обязывали местные органы НКВД «вскрывать повстанческие организации, шпионские и диверсионные группы и т.д. в связи с чем, придумывались различные повстанческие, правотроцкистские, шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные организации [9].

К середине 1938 г. репрессивные задачи в основном были перевыполнены. «Особые тройки» завершили свою деятельность 16 ноября 1938 г. К осени 1938 г. Сталину стала ясной необходимость сворачивания террора. Стало невозможным игнорировать поступающие с мест «сигналы».

Формально кампанию «Большой террор» прекратили после решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 года о приостановлении с 16 ноября 1938 г. рассмотрения «всех дел на тройках» и постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «О ликвидации особых троек и запрещении массовых репрессий» [14].

Вся вина за массовые репрессии и незаконные была возложена на органы НКВД и Прокуратуры.

«Большой террор» в Чечено-Ингушетии, как и по всей стране, явился заключительным аккордом репрессий предшествующих лет. Жестокое противостояние в ходе гражданской войны, репрессии и аресты оппозиционеров, коллективизация и раскулачивание, борьба с «саботажниками хлебозаготовок», аресты и высылки затронули почти все население республики.

Репрессии «сверху» дополнялись массовым доношением «снизу», что свидетельствовало о тяжелой болезни общества, порожденной насаждавшейся подозрительностью, враждой, шпиономанией. Исполнители докладывали о положительных настроениях среди трудящихся, вызванных проводимой операцией, о фактах проявлений со стороны массы колхозников личной инициативы и активности в выявлении и разоблачении скрывающихся контрреволюционных элементов.

«Кулацкая операция» была системной акцией, направленной против определенных социальных групп и категорий населения с политическим прошлым. Она выработала особые механизмы отбора жертв, собственные репрессивные инстанции и «юридические» приемы.

Список литературы

1. Авторханов А.Г. О себе и времени. Мемуары. М.: ДИКА-М, 2001. С. 390.
2. А. Авторханов. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР <http://skachate.ru/voennoe/1586/index.html?page=5> (дата обращения 26 ноября 2013 г.).
3. Большой террор. Истоки карательной политики//<http://oldru.com/newstory2/30.htm> (дата обращения 31 октября 2013 г.).
4. Вопросы истории. 1990. № 7. <http://hautiev-ruslan.livejournal.com/30679.html> (дата обращения 29 октября 2013 г.);
5. Джанибемян В. Г., Провокаторы и охранка, М.: Вече, 2005. С. 123.
6. Зам. наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский (меморандумы № 299 и 300) о сроках и планах операции по репрессированию бывших кулаков и уголовников (в дополнение директивы Н.И. Ежова № 266)/ Трагедия советской деревни. Т.5. Кн. 1. С. 326.
7. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002. С. 53-54.
8. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация" (том I); http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a98.htm.
9. Мазохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., 2006. С. 171,173.
10. Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф, 2008.
11. Мета В.И., Диденко В.В. Жертвы Колымы. Документальные очерки, рассказы. Магадан, 2000.
12. Оперативный Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов от 30 июля 1937 года//<http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/?p=676> (дата обращения 12 мая 2012 г.).
13. Постановление ЦК ВКП(б) об утверждении дополнительных лимитов на репрессии по приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. 31 января 1938 г.//Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т.5. 1938-1939. Кн. 2. 1938-1939. М.: РОССПЭН, 2006. С. 34-35.

14. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «О ликвидации особых троек и запрещении массовых репрессий <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=145> (дата обращения 29 октября 2013 г.).
15. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 147. Л. 1-8.
16. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневников Ф. Чуева. М., 199.
17. Советское руководство. Переписка 1928-1941 гг. Сост. Квашонкин А.В., Кошелева Л.П., Роговая Л.А. Хлевнюк О.В. М., 1999. С. 398.
18. Указ НКВД СССР N00515 от 11 мая 1939 г. «О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61414>(дата обращения 30 октября 2013 г.).
19. Яндиева М.Д., Мальсагов А.А. Государственный террор в Ингушетии 20-50 –е годы XX века. Исследование и Мартирологии. М., 2007. С. 76-78.

Рецензенты:

Дзидзоев В.Д., д.и.н, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Горский государственный аграрный университет», г. Владикавказ;

Осмаев А.Д., д.и.н., профессор, заместитель директора по науке ФГБУН «Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН», г. Грозный.